

УДК 81'373.613; 811.161.1; 811.162.1
DOI 10.52452/19931778_2022_5_168

ФУНКЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ ИЗ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ XIX–XXI ВЕКОВ

© 2022 г.

А.А. Уразбекова,¹ Н.В. Шахвердова²

¹Представительство Россотрудничества в Венгрии –
Российский центр науки и культуры в Будапеште, Будапешт

²Дебреценский университет, Дебрецен

alina.urazbekova@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.08.2022

Исследуются функции польских элементов в русскоязычных художественных текстах XIX–XXI веков. Полонизмы и сходные с ними явления анализируются на материале отобранных романов, повестей и автобиографий, относящихся к «польскому тексту», под которым понимается вербальное воплощение мотивов, тем и художественных образов поляков и Польши. Выделены и описаны главные и второстепенные функции польских элементов.

Ключевые слова: полонизм, заимствование, иноязычное слово, польский язык, русский язык, функция, польский элемент, языковой контакт, польский текст, псевдополонизм.

С середины XX века по настоящее время языком-проводником западных идей в России заслуженно считается английский язык, англицизмы активно включаются в лексический состав русского языка. До этого в конце XVIII – начале XIX века широкое распространение имел французский язык, и галлицизмы массово входили в художественные и публицистические тексты. Ранее, в первой половине XVII века, с точки зрения пополнения лексического состава, наибольшее влияние, как пишет Л.П. Гарбуль [1], на русский язык оказывал польский. Впоследствии всплеск интереса к польскому языку наблюдался в XIX веке, когда Царство Польское по итогам наполеоновских войн входит в состав Российской империи и российская интеллигенция пристально следит за политической жизнью западного соседа, прежде всего в связи с польскими восстаниями 1831 и 1863 г. В XX веке интерес к польскому языку резко снижается, однако польские слова, по данным «Современного словаря иностранных слов» 2012 г. [2], продолжают входить в русский язык в виде новых лексем (*конфессия*) или значений уже существующих в языке слов (*автономия, аккредитовать, деликатный, идея, империя, клавиша, комиссар, комиссия, коммуникация, кондичия, лига, ликвидация, лицензия, магнат, мариновать, мина, реванш, таблица, фаворит*). Кроме того, полонизмы в русском языке подвергаются семантическим изменениям, как правило, их значение сужается и конкретизируется (*лях*). Исследователи отмечают, что и сегодня пополнение лексического запаса русского языка из польского имеет место: «... Посредническая

роль польского языка в обогащении русского языка западноевропейскими не ограничена допетровской эпохой, а на новом хронологическом срезе представлена новым кругом слов и понятий» [3].

Данная статья посвящена анализу функций полонизмов (и – шире – польских элементов) в русских художественных текстах XIX–XXI веков, сюжет которых связан с Польшей и поляками. Такой широкий охват источников материала для исследования вызван тем, что, согласно В.В. Виноградову, «детальное раскрытие отличий в принципах словесного отбора, расположения символов, в формах их синтаксических объединений, в приемах изменений семантической характеристики – между разновидностями литературной речи, изучение структурных взаимоотношений самих этих разновидностей в эволюции литературы возможно, конечно, лишь на анализе большого материала» [4, с. 97].

Под полонизмами, вслед за Е.В. Мариновой, в работе понимаются лексемы, фразы, идиомы, прецедентные тексты, которые были заимствованы в русский язык из польского, вне зависимости от того, насколько долгий путь эти элементы проделали до того, как попали в польский язык [5, с. 148]. Это могут быть как слова непосредственно польского происхождения (*вензель, дозволить, фигляр, пончик, шляхта, сейм, бигос, доводца, пенензы, кельнер*), так и лексемы, для которых польский язык выступил в роли языка-посредника, а донором изначально был третий язык, например, латинский (*сатисфакция, реляция, амуниция, гонор, фискал*), французский (*куртина, нетарда*), венгерский

(*кунтуш, гусар, палаш, магерка*), немецкий (*обшлаг, замок, скарб*), итальянский (*ингалера, фортеция, башня, почта*) и др.

Для исследования мы отбирали не только полонизмы, вошедшие в систему русского языка и отмечаемые в толковых словарях, но и другие типы польских элементов. Имеются в виду следующие группы:

а) экзотизмы¹, маркирующие реалии польской культуры, отсутствующие/отсутствовавшие в российской действительности (*злотый, очепины, сейм*);

б) иноязычные включения, вводимые в текст в графическом облике польского языка (*И в этот день читал он молитвы по засаленному молитвеннику: «Krótkie zebranie różnego nabożeństwa». По временам слышалось за перегородкой: «Boże, bądź miłościw mnie grzeszemu człowiekowi»* [6, с. 390]);

в) варваризмы, то есть «те речевые неправомерности, причиной которых является сильное, заметное влияние чужого языка» [5, с. 38], слова и выражения, образованные не в соответствии с правилами русского языка и испытывающие заметное влияние польского языка (*стадо дуракове*);

г) псевдополонизмы (в том числе славянизмы), значение и принадлежность к польскому языку которых кажутся очевидными, но при детальном изучении этимологии слова не является таким (*быдло, воевода, жупан, курва, сабля*).

Художественный текст мы выбрали источником материала нашего исследования потому, что, во-первых, именно в нем польские элементы используются гораздо шире, чем в других текстах – публицистических, учебных, научных, разговорных. Во-вторых, художественный текст раскрывает значение польских элементов ярче и понятнее для адресата, потому что лексемы используются в особом, связанном с польской темой контексте. К тому же художественный текст выполняет двойную функцию: с одной стороны, он отражает национальную культуру, а с другой – является источником её формирования.

При первичном отборе произведений в поле нашего зрения попали более 100 художественных текстов, из которых для анализа мы отбрали более 30 произведений. Селекция текстов происходила «на основе их усматриваемой общности» [7, с. 103], в первую очередь тематической, а комбинация текстов рассматривалась как «их пространственное, вневременное распределение относительно друг друга» [там же]. При этом единство польских элементов (то есть сквозная польская тема в русскоязычном дискурсе) рассматривается нами как «польский текст».

«Польский текст» относится к актуализированным сверхтекстам, иначе говоря, его целостность осознается и принимается филологами, но требует специального выявления специалистами, не актуализирована в сознании широкого круга реципиентов. Его пространство организуется вокруг значимого локуса – *Польша* (в разное время: *Речи Посполитой, Царства Польского, Республики Польша*)². Несмотря на достаточное количество художественных произведений, в которых последовательно развиваются польские темы, сюжеты, мотивы, понятие «польский текст» только утверждается в научной литературе. О.А. Сетько определяет его как «идейно-стилевую, сюжетно-тематический и мотивно-образный комплекс, отражающий индивидуальное восприятие писателями польской культуры и связанных с ней территориально и исторически смысловых пластов» [9, с. 17]. Под термином «польский текст» русской литературы в рамках настоящего исследования мы будем понимать языковое воплощение мотивов, тем и художественных образов поляков и Польши.

Наше исследование опирается на классические труды в области заимствований, такие как труды Л.П. Крысина [10], Е.В. Мариновой [11], и анализа художественного текста В.В. Виноградова [4], И.Р. Гальперина [12], в которых были выявлены универсальные функции лексем (текстообразующая и создания художественного образа), а также специализированные функции заимствованных слов (создание национального колорита).

Знания о функциональной стороне языка и отдельных его элементов важны для понимания содержания текста. Э. Косэриу писал, что «язык функционирует не потому, что он система, а, наоборот, он является системой, чтобы выполнять свою функцию и соответствовать определенной цели» [цит. по: 13, с. 29]. Функции полонизмов в художественном тексте подчиняются общим законам использования выразительных элементов в тексте и закономерностям использования заимствованных элементов. Однако полонизмы выполняют и специфические функции.

Нельзя сказать, чтобы ученые сегодня сходились во мнениях о количестве и составе функций языка и речи, а также языковых средств в тексте. Р. Якобсон выделил коммуникативную, апеллятивную, поэтическую, экспрессивную, фатическую и метаязыковую функции [14]. В дальнейшем ученые, исследовавшие текст, опирались на этот перечень языковых функций или предлагали свой. Так, в работе О.Г. Щитовой и Л.Т. Некрасовой в художественном тексте выделяют номинативную,

эмотивную, эстетическую и суггестивную функции заимствованных элементов [15]. А.С. Насыровой функции иноязычных слов поделены на общие, кодифицированные, к которым относятся когнитивная, коммуникативная, сигнификативная функции, и факультативные, а именно номинативная, дефинитивная, эмоционально-экспрессивная [16, с. 59]. Е.Б. Коломейцева пишет о следующих функциях иноязычных вкраплений: выделительной, номинативной, эмоционального воздействия, престижной, передачи национального колорита, апеллятивной, дисфемистической, функции воздействия [17].

Функции полонизмов в русскоязычном художественном тексте описывает Н.Е. Ананьева на примере творчества отдельных авторов, в том числе В.Г. Короленко, Д. Рубиной, Н.С. Лескова и др. Ученый пишет, что «“вплетенные” в ткань литературного произведения полонизмы... выполняют одновременно ряд художественных функций: информативную, экспрессивную, стилистическую. Воссоздавая определенный локальный колорит, “пространственно” и “хронологически” маркируя сообщаемое, характеризуя речь тех или иных персонажей, придавая ей не только достоверность, но и выразительность, эти иноязычные элементы одновременно являются компонентом языковой материи произведения и тем самым составной частью его поэтики» [18, с. 15]. В нашей работе мы остановимся на наиболее частотных функциях польских элементов, представленных в текстах XIX–XXI веков.

Ведущей, базовой функцией полонизмов и польских элементов в художественной речи является создание и структурирование «польского текста». В «польском тексте» они являются основным средством обеспечения связности, или, по И.Р. Гальперину, когезии, то есть «особых видов связи, обеспечивающих континуум» художественного текста [12, с. 74].

Все польские элементы в художественном тексте в совокупности играют текстообразующую роль. Однако есть некоторый набор легко узнаваемых полонизмов, своего рода «польский набор» лексем, «перетекающих» из романа в роман, от автора к автору при условии, что по сюжету произведение связано с Польшей или выходцами из нее. Самые распространенные слова *лях*, *поляк*, *Польша*, *Речь Посполитая* придают тексту легко угадываемый польский колорит и являются ядерными, доминантными в «польском тексте». Например, Б. Акунин для описания локальной специфики в романе «Седмица Трехглазого» [19] так использует данные лексемы:

В Москве *ляхи*, под Москвой казаки, да рязанское земское войско, да теперь еще, вишь, какое-то нижегородское... [19, с. 10];

Деньги нашлись: всех жидов *Речи Посполитой* обложили поголовной податью – пускай за погибель схизматиков платят нехристи [19, с. 139].

Ряд слов может быть приведен в тексте с целью подчеркнуть не только вневременной, постоянный польский колорит, но и отослать к конкретным историческим событиям, так реализуется выделительная функция иноязычного элемента. Например, *рокош* (от польского *rokosz*) можно было заменить на «мятеж, бунт», но *Сандомирский рокош*, или *рокош Зебжидовского*, как название явления широко распространен в исторической литературе, регулярно упоминается в энциклопедиях [например, 20]. Приведем следующие примеры:

Ну да, я участвовал в рокоше Зебжидовского, ну и что? [21, с. 151];

Самозванцевы поляки с собственным королем на ножах – там и тех много, кто раньше мятеж против Сигизмунда поднимал, рокош по-ихнему [21, с. 362].

На перманентную, сквозную, доминантную функцию связности польских элементов, как правило, нанизываются все остальные, дополнительные и вариативные. Так, экзотизм в русском художественном тексте может выступать в функции уточняющего элемента. Он описывает частные проявления более общего понятия, например, *файка* (коротенькая курительная трубка), а не табачная трубка: *Первый, обративший внимание на это совершенно ничтожное и случайное обстоятельство, был экс-улан, который подошел к костру запалить свою коротенькую охотничью “файку”* [22, с. 235]; *вишнювка* (наливка из вишни), а не алкогольный напиток: *Все это запивалось разными наливками: “малинувкой, вишнювкой и помаранчувкой”, а в заключение последовала вдруг, совершенно неожиданно для Хвалынцева, жирная “кава за сметанкой”* [22, с. 68].

Важной функцией польских элементов является характерологическая. В функции характеристики используются транслитерированные и нетранслитерированные включения из польского языка, перевод которых читателю не предлагается, но из контекста видно, какое значение подразумевается. Этот прием помогает заставить читателя поверить в реальность героя и рассказываемой истории. Например, у Б. Акунина:

Укладывайся, *котухнечка*³. Спать будем [19, с. 25];

– Ложись, *коханый*⁴, и зажмурься, – нежно приговаривала Маришка [19, с. 26];

– *Tak dobrze?* – спросил Кубек.

– *Бардзо добже*⁵ [19, с. 156].

В данном случае реализация функции характеристики персонажа основана на том, что, как

правило, включения из польского языка в сочетании со словом *добже* можно отнести к типичным речевым признакам поляков в русской литературе (наряду с фразами *пся крив, матка боска* и т.п.).

Для польского текста характерно сочетание функций характеристики и создания национального колорита с актуализацией оппозиции «свое–чужое»⁶. Маркерами данной оппозиции является безэквивалентная лексика (экзотизмы), не имеющая в языке-приемнике иного наименования денотата, типа слов *бигос, краковяк, журек* и пр. Они обусловлены «лакунарностью понятия, фоновых знаний, невозможностью подобрать полноценный русский эквивалент, выполняют сугубо номинативную функцию» [25, с. 8]. Более ярко эту оппозицию создает оценочная лексика. Как справедливо отмечает Е.Н. Молодыхенко, «... аспект конструирования категории чужих – характеристика их деятельности. С одной стороны, данный аспект подразумевает создание негативного семантического поля, с другой – этот же аспект может быть описан как набор лейтмотивов» [26, с. 72]. В качестве иллюстрации использования экзотизмов в функции негативной характеристики героев приведем фрагмент из романа В.В. Крестовского «Кровавый пух»:

Тут и маппа [план, ландкарта] приложена. Эту маппу составил один из наивысших *филяров* велького будованя, пан грабя Скаржиньский. Пан, конечно, слышал про пана грабега и знает, цо то есть за дроги человек!.. [27, с. 198].

Лексема «филяр» не отмечена в БАС [28], у В. Витковского [29], у Л.П. Крысина [30], зато отражена в моноязычном словаре польского языка. В приведенном фрагменте лексема используется во втором значении: 2. *przen.* «osoba lub rzecz stanowiąca oparcie dla kogoś lub umożliwiająca istnienie czegoś» [31].

Одним из художественных средств характерологической функции выступают личные имена и прозвища. Прозвища поляков в системе литературных антропонимов романа нередко используются в людической (игровой) функции. Они, «употребляясь рядом с именем ... выступают в роли своеобразного символа, знака, помогающего выделить героя из ряда других действующих лиц; помогают дать разностороннюю характеристику персонажу, а также показать отношение к нему других героев произведения. Наряду с этим, прозвища являются такими номинативно-информационными единицами, которые способствуют усилению экспрессивности повествования...» [32, с. 75]. Например, Б. Акунин дает нарицательное имя в функции собственного, подчеркивая при этом повадки и наклонности героя:

Тогда меня поляки и прозвали *Вильчеком*. Это по-ихнему «волчок» [19, с. 23].

Ярким примером языковой игры является окказиональное (авторское) употребление транслитерированного польского слова *paźniajszy*, которое представляет собой предписанный этикетом способ титулования правителя страны (*nakazany etykietą sposób tytułowania władcy*) [Słownik języka polskiego PWN]. И если в отдельных случаях И.И. Лажечников употребляет полонизм правильно (*наияснейший*), то в тексте встречаются и примеры, в которых автор намеренно искажает форму заимствования:

Встретить и проводить *неяснейшего*, вот в чем состояла вся их служба – не тяжелая и не опасная [6, с. 371].

Смысл лексемы, близкой по форме к ожидаемому образованным читателем слову, изменился на противоположный, и герой тем самым показывает свое негативное отношение к полякам.

Полонизмы нередко включаются в иронический контекст, употребляются в русском романе для реализации иронической функции, когда автор на страницах своего произведения подтрунивает над поляками. На первый взгляд может показаться, что в текст закрались некоторые досадные неточности, но если учитывать общественный и исторический контекст создания произведения, то оно воспринимается совсем с другой стороны. Рассмотрим, например, отсылку к первой строчке «Мазурки Домбровского» – гимна Польши «*Jeszcze Polska nie zginęła...*». Слова героини в связи с ней приведены в искаженном виде: строка «Польша еще не погибла» передается как «Польша еще не сгнила». Это не столько намеренная ошибка автора, сколько отражение его отношения к замыслу Едвиги Стабровской:

– Любезный сын! Хвала Пану Иезусу, Польша еще не сгнила! [6, с. 386].

С такой же целью употребляется выражение «коронные земли». Логично было бы предположить, что земли польской короны могут быть названы «коронными землями», но в русском языке «коронными землями», или «коронными владениями», традиционно назывались расположенные в Западной Европе островные владения британской короны, которые формально не входят в состав Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, но и не являются при этом его заморскими территориями. Можно предположить, что в этом случае писатель косвенно намекает на имперские амбиции поляков:

Позднее панцирные бояре составляли почетную стражу польских крулей, когда они выезжали на границы своих коронных земель [6, с. 371].

Для создания образов персонажей писатели используют как лексические заимствования, так и включения разных типов⁷, что усиливает правдоподобность описываемых событий и героев. Авторы рассматриваемого периода русской литературы регулярно отрицательно оценивают польских персонажей, и в результате иноязычные элементы выполняют дисфемистическую функцию, например:

Дуло глядело ему прямо в лицо.

– *Popownie ty! Kim jesteś, ty nędzny psie?*

Сам ты пёс. Думаешь, что узнал. Нет, гадина, ты меня еще не узнал... [19, с. 104].

В словарной статье польско-польского толкового словаря В. Дорошевского «pies» дается иллюстративный материал, демонстрирующий негативные оценочные коннотации этой лексемы в основном значении: *Zły jak pies* “bardzo zły” (Злой как пёс «очень злой»); *Traktować kogo jak psa, pomiatać kim jak psem* “bardzo źle kogo traktować, poniewierać” (Относиться к кому-то как к собаке, помыкать кем-то как псом «очень плохо к кому-то относиться, третировать»). Далее даётся и переносное значение «pies» *przen. Używane jako wyzwisko* (перен. Используется как ругательство) [23].

Дисфемистической функции польских элементов в художественном тексте противопоставлена этикетная. Она проявляется, например, в использовании формулы *całuję rączki*, которая выступала как традиционное окончание письма от мужчины к женщине. Например:

Целую заочно тысячу раз твои ручки и ножки, пока не перецелую их в яве [6, с. 630].

Ввиду того, что функции, в которых лексемы употреблены в текстах, зачастую накладываются друг на друга, сочетаются, вышеуказанный пример также можно было бы отнести к реализации эстетической функции, когда слова употребляются «с целью украсить ... речь, сделать ее более изысканной и тем самым привлечь внимание окружающих к собственной персоне, выделиться среди “толпы”» [15, с. 124].

Автор может вводить в текст инографические употребления целых фраз – инкрустации, включения. Он не заботится об удобстве читателя, а решает исключительно текстовые задачи, включая в роман целую фразу-вкрапление на польском языке без перевода и не разъясняя ее даже в более широком контексте. В какой-то степени здесь можно было бы сказать о *licentia poetica*⁸ функции проникновений. Эффект закодированности при отсутствии пояснений значения лексем в полной мере проявляется в следующих примерах⁹:

Обернувшись к отряду, убийца тонко крикнул непонятное:

– *Zsiadać! Rozkulbaczyć konie! Skrzesać ogniska! Rozbijemy obóz tutaj. Pod murem!* [19, с. 18];

– *Poruczniku, wystaw straż przy bramie. Niech się zmieniają co dwie godziny. Zostaniesz tu z regimentem jako dowódca*, – говорил жирный, привычный командовать голос <...>.

Другой, звонкий, уже знакомый, бодро отвечал:

– *Tak jest, panie pułkowniku!* [19, с. 19].

Мы разделяем точку зрения Э.А. Китаниной, которая считает, что «иноязычные вкрапления (макаронизмы), не будучи в прямом смысле элементами системы заимствующего языка, играют важную роль в создании коммуникативно-прагматических характеристик высказывания и текста» [35, с. 22]. Употребленные в тексте непереводные цитаты Е.Б. Коломейцева же относят к отрезкам текста, употребленным в выделительной функции [36, с. 185].

Помимо отрывков текста, введенных в качестве вкраплений без пояснений и перевода, автор может использовать транскрибирование польских слов¹⁰ с данным в более широком контексте переводом, чтобы читателю явственно слышался польский «акцент»¹¹:

– *Uciekaj! Chyżo! Ja ich zatrzymam! Spotkamy się na Głowe!*

Коренастый схватил грамоту и с разбега, бесстрашно, прыгнул в окно [19, с. 90];

– Скажи, Яков, что такое «Губова»?

– По-польски это «голова», а еще не знаю [19, с. 98].

Возможен авторский перевод полного иноязычного вкрапления, которое представляет собой вошедший без всяких изменений в принимающий текст отрезок текста на иностранном языке (самостоятельные предложения или их сочетания, междометия, обращения, части сложного предложения, вводная конструкция):

Szkołka dla dzieci wiejskich [Небольшая школа для деревенских детей (польск.)] [22, с. 78].

Встречаются также нулевые вкрапления, представляющие собой обычный русский текст или отрывок текста, служащий для передачи иностранной речи, включенный в оригинальную русскую речь. Нулевые вкрапления не воспроизводят национальную форму иноязычной речи, передают лишь ее содержание, а в тексте, куда они вводятся, сообщается читателю, на каком иностранном языке говорит тот или иной персонаж:

Как вы хорошо сделали, что приехали именно теперь, а не позже! – застрекотала одна из паненок, обращаясь к обоим приятелям и потому ухитряясь с необыкновенной быстротой одну и ту же фразу произносить *по-польски* и тотчас же переводить ее, Хвалынцева ради, по-французски [22, с. 46].

Наконец, мы, вслед за Н.Е. Ананьевой, выделяем лексемы, употребляемые в функции «псевдополонизмов» – субституты другого славянского языка, то есть такие звучащие на славянский лад слова, которые в художественном тексте употребляются в роли полонизмов, но таковыми не являются. В контексте они могут употребляться как маркеры «польского текста» [39]. Наш анализ показал, что существуют два типа псевдополонизмов: 1) лексемы, одинаково звучащие в русском и польском языках и, возможно, имеющие общее славянское происхождение, но разошедшиеся с течением времени по своим значениям; 2) лексемы, намеренно сконструированные автором по словообразовательным моделям польского языка.

В качестве примеров псевдополонизмов первого типа приведем следующий фрагмент романа «Кровавый пуф» В. Крестовского:

*Вот я не далее как на днях еще, в полнейшее подтверждение наших собственных мыслей и планов, получил от бискупа с забраного края маленькую **цидулу**... я ведь писал туда [27, с. 198].*

Цидула употреблена здесь в значении русского слова: «Устар. разг. Записка; цидулка» [40, стб. 682–683]. Хотя В. Витковский в «Новом словаре польских заимствований в русском языке» и отмечает «цидула – *ceduła, notatka*» [29, с. 230], подобное движение слова в русский язык маловероятно. В данном контексте слово воспринимается как польский элемент потому, что оно употребляется в непосредственной близости с иными маркерами польского (*бискуп, забранный край*).

Примером «псевдополонизмов» второго типа можно считать лексему «дуракове» из этого же текста:

Тут и стадо салюнове, и стадо наукове, и стадо войскове, а вшистка у купе – едне вельке стадо *дуракове!* [27, с. 1362].

Выделенная лексема в польском языке не фиксируется и является выдумкой автора, имитацией польской речи. Слово «дуракове» сконструировано по грамматической модели прилагательных польского языка *salonowe, naukowe, wojskowe*.

Подведем итоги. Выявлены основные функции польских элементов в текстах XIX–XXI веков (текстообразующая, создания и структурирования «польского текста», художественного образа), а также второстепенные функции (создание национального колорита, выделительная и другие функции). Полонизмы непосредственно связаны с национально-культурным содержанием сообщения и выполняют в текстах характерологическую и оценочную функции, отсылают к конкретным историческим событиям. Они не только являются маркером польского

происхождения персонажа, но и участвуют в многообразной языковой игре, выступают в роли закодированных элементов, актуализируют индивидуальные особенности персонажей романов (людическая функция). Польские элементы используются авторами в иронической функции, дисфемистической, этикетной, эстетической, выделительной, функции уточняющего элемента, а также в качестве поэтической вольности – функции *licentia poetica*. Уникальными для полонизмов функциями являются уточняющая, то есть функция маркировки своего/чужого, а также кодировки сообщения при отсутствии его пояснения или перевода на русский язык. Экстраполяция «польскости» на непольские компоненты произведения в тех случаях, когда лексемы употреблены в качестве псевдополонизмов, является отличительной функцией польских элементов в художественном тексте XIX–XXI веков.

Данное исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и фонда «За русский язык и культуру в Венгрии» в рамках научного проекта № 21-512-23003 «“Свое” и “чужое” в современном русском (русскоязычном) и венгерском художественном тексте».

Примечания

1. Под «экзотизмом» мы вслед за Е.В. Мариновой понимаем слово иноязычного происхождения, обозначающее реалию чужой культуры, т.е. такую реалию, которая отсутствует (или отсутствовала) в культуре языка-реципиента [5, с. 202].
2. См. мнение на этот счет К. Воронцовой: «принадлежит к группе локальных текстов, Польский текст в качестве фокусирующего объекта актуализирует геокультурный образ Польши» [8, с. 22].
3. От пол. *kotuchna* ‘ласк. о коте, кошке’ [23]. Здесь и далее переводы с польского языка на русский выполнены А.А. Уразбековой.
4. От пол. *kochany* ‘любимый, дорогой’ [24, с. 68].
5. От пол. *bardzo dobrze* «очень хорошо».
6. Ср. мнение на этот счет К. Воронцовой: «Польский текст русской культуры на всем протяжении исторического процесса под влиянием внетекстовых факторов (этностереотипы, идеология, пропаганда и т.д.) развивается на крайних точках оппозиции «свое» – «чужое». Однако между двумя этими полюсами находится переходное лиминальное пространство, нейтральная территория, медиатор между крайностями, в котором «чужое» постепенно приобретает черты «своего» и наоборот» [8, с. 28].
7. Подробнее о включениях из польского языка см. в статье [33].
8. Поэтическая вольность.
9. О монодискурсивных вкраплениях, когда герои в разговоре переходят на другой язык, см. подробнее [34].
10. Практическая транскрипция, т. е. ориентация на звучание этимона заимствуемого слова в языке-

источнике, соответственно традиции, является основным направлением адаптационных процессов в русском литературном языке [см.: 37, с. 45–46].

11. О пояснениях при вводе в текст варваризма см. [38, с. 11].

Список литературы

1. Гарбуль Л.П. Лексические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века: Монография. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2014. 284 с.
2. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л.М. Баш, А.В. Боброва и др. М.: Цитадель-трейд; Вече, 2012. 960 с.
3. Гадимова Дж.А. Семантико-грамматическая и стилистическая адаптация полонизмов в русском литературном языке XIX–XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра философии по филолог. наукам (5707.01) / Бакинский Славянский Университет. Баку, 2014. 38 с.
4. Виноградов В.В. О художественной прозе // О языке художественной прозы. Избранные труды. М.: Наука, 1980. С. 55–175.
5. Маринова Е.В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник. М.: ФЛИНТА, 2013. 240 с.
6. Лажечников И.И. Внучка панцирного боярина // Собрание сочинений. В 6 томах. Т. 1. М.: Можайск-Терра, 1994. С. 351–667.
7. Лошаков А.Г. Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 66. С. 100–109.
8. Воронцова К. «Мы связаны, поляки, давно одной судьбою...»: Польский текст русской культуры в поэзии второй половины XX века (1945–1991 гг.). Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2020. 316 с.
9. Сетько О.А. Польский текст в русской литературе первой половины XX в.: мифопоэтические и автобиографические аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2016. 128 с.
10. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 206 с.
11. Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка. М.: Флинта, 2012. 296 с.
12. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
13. Ильенко С.Г. Русистика: Избр. тр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2003. 674 с.
14. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
15. Цитова О.Г., Некрасова Л.Т. Функциональная природа иноязычных средств в художественном тексте // Художественный текст и языковая личность: проблемы изучения и обучения: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Том. гос. пед. ун-та (11–12 окт. 2001 г.). Томск, 2001. С. 120–127.
16. Насырова А.С. Функции иноязычных слов в текстах современной газеты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 54–61.
17. Коломейцева Е.Б. Функционирование иноязычных вкраплений в различных стилях речи // Вестник Омского университета. 2014. №4. С.185–187.
18. Ананьева Н.Е. О польском языке в произведениях русской литературы XIX века (на примере творчества В.Г. Короленко) // Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 13–26.
19. Акунин Б. Седмица Трёхглазого. М.: АСТ, Жанры, 2017. 304 с.
20. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 1–86. С.-П., 1890–1907.
21. Мединский В.Р. Стена. М.: ОлмаМедиаГрупп / Просвещение, 2016. 624 с.
22. Крестовский В.В. Кровавый пух: Роман в 2 книгах. Книга 2. М.: Современный писатель, 1995. 1790 с. Текст печатается по изданию: Крестовский В.В. Собр. соч. в 8 тт. Т. 3–4. СПб.: Изд. т-ва «Общественная польза», 1904.
23. Doroszewski W. Słownik języka polskiego, t. I–XI. Warszawa, 1958–1969. URL: <http://www.sjpd.pwn.pl> (дата обращения: 11.01.2022).
24. Ковалёва Г.В. Польско-русский и русско-польский словарь. 9-е изд., испр. М.: Русский язык-Медиа; Дрофа, 2010. 528 с.
25. Агеева А.В. Французские вкрапления в русской классической литературе: прагматический аспект // Филология и культура. 2013. № 4 (34). С. 7–12.
26. Молодыхенко Е.Н. «Свой» и «чужие» в политическом дискурсе: инструментальная функция «чужого» в американской президентской риторике // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2019. № 59. С. 67–86.
27. Крестовский В.В. Кровавый пух: Роман в 2 книгах. Книга 1. М.: Современный писатель, 1995. 1708 с. Текст печатается по изданию: Крестовский В.В. Собр. соч. в 8 тт. Т. 3–4. СПб.: Изд. т-ва «Общественная польза», 1904.
28. Словарь современного русского литературного языка. Т. 16 / Под ред. Н.З. Котеловой, Н.М. Меделец. М.–Л.: Наука, 1964.
29. Witkowski W. Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim. Kraków: Universitas, 2006. 278 s.
30. Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1998. 846 с.
31. Drabik L., Kubiak-Sokół A., Sobol E. Słownik języka polskiego PWN. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2019. 1360 s.
32. Зиннагуллина Г.Х. Особенности употребления прозвищ в художественной литературе // Известия ВолГПУ. 2013. №4. С. 72–76.
33. Уразбекова А.А. Включения из польского языка в русском художественном тексте XIX века (на примере романа В. Крестовского «Кровавый пух») // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2020. № 3. С. 60–67.
34. Коломейцева Е.Б. Иноязычные вкрапления в современном художественном тексте (на материале английского языка): Дис. ... к. филол. н. Санкт-Петербург, 2016. 200 с.
35. Китанина Э.А. Прагматика иноязычного слова в русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. Краснодар, 2005. 40 с.
36. Коломейцева Е.Б. Функционирование иноязычных вкраплений в различных стилях речи // Вестник Омского университета. 2014. № 4. С. 185–187.

37. Маринова Е.В. Освоение новых заимствований и сопутствующие процессы в русском языке начала XXI // Новые тенденции в русском языке начала XXI века: Колл. монография / Под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта: Наука, 2014. С. 36–133.

38. Арапова Н.С. Варваризмы как этап в освоении иноязычного слова // Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. 1989. № 4. С. 9–16.

39. Анянзева Н.Е. Польские языковые элементы в русской художественной литературе // Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты / Отв. редакторы: С. Гжибовский, В.А. Хорев, М. Волос. М.: Квадрига, 2011. С. 11–24.

40. Словарь современного русского литературного языка. Т. 17 / Под ред. Л.С. Ковтун, В.П. Петушкова. М.–Л.: Наука, 1965.

FUNCTIONS OF LEXICAL ELEMENTS FROM POLISH LANGUAGE IN RUSSIAN FICTION OF THE XIX–XXI CENTURIES

A.A. Urazbekova, N.V. Shakhverdova

The functions of Polish elements in Russian-language XIX–XXI centuries fiction are investigated. Polonisms and similar phenomena are analyzed on the material of selected novels, novellas and autobiographies related to the "Polish text", which is understood as the verbal embodiment of motives, themes and artistic images of Poles and Poland. The main and secondary functions of the Polish elements are highlighted and described.

Keywords: polonism, borrowing, foreign language word, Polish language, Russian language, function, Polish element, language contact, Polish text, pseudopolonism.

References

1. Garbul L.P. Lexical polonisms in the Russian command language of the first half of the XVII century: Monograph. Vilnius: Vilnius University Press, 2014. 284 p.

2. Modern dictionary of foreign words: toleration, word usage, word formation, etymology / L.M. Bash, A.V. Bobrova et al. M.: Citadel-trade; Veche, 2012. 960 p.

3. Gadimova J.A. Semantic-grammatical and stylistic adaptation of polonisms in the Russian literary language of the XIX–XX centuries: Abstract of the Doctor of Philosophy in Philological Sciences (5707.01) / Baku Slavic University. Baku, 2014. 38 p.

4. Vinogradov V.V. About fiction // About the language of fiction. Selected works. M.: Science, 1980. P. 55–175.

5. Marinova E.V. Theory of borrowing in basic concepts and terms: dictionary-reference. M.: FLINT, 2013. 240 p.

6. Lazhechnikov I.I. The granddaughter of the armored boyar // Collected works. In 6 volumes. Vol. 1. M.: Mozhaysk-Terra, 1994. P. 351–667.

7. Loshakov A.G. Overttext: the problem of integrity, principles of modeling // Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2008. № 66. P. 100–109.

8. Vorontsova K. «We are connected, Poles, by a long-standing fate...»: Polish text of Russian culture in poetry of the second half of the XX century (1945–1991). Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2020. 316 p.

9. Setko O.A. The Polish text in Russian literature of the first half of the XX century: mythopoetic and autobiographical aspects: Dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Minsk, 2016. 128 p.

10. Krysin L.P. Foreign words in modern Russian. M.: Science, 1968. 206 p.

11. Marinova E.V. Foreign language vocabulary of the modern Russian language. M.: Flint, 2012. 296 p.

12. Galperin I.R. Text as an object of linguistic research. Ed. 5th, stereotypical. M.: KomKniga, 2007. 144 p.

13. Ilyenko S.G. Rusistics: Selected works. SPb.: Publishing House of A.I. Herzen State Pedagogical University, 2003. 674 p.

14. Yakobson R. Linguistics and poetics // Structuralism: «for» and «against». M.: Progress, 1975. P. 193–230.

15. Shchitova O.G., Nekrasova L.T. The functional nature of foreign language means in a literary text // Artistic text and linguistic personality: problems of study and teaching: Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, dedicated to the 100th anniversary of Tomsk State Pedagogical University (October 11–12, 2001). Tomsk, 2001. P. 120–127.

16. Nasyrova A.S. Functions of foreign words in the texts of a modern newspaper // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology. 2016. № 3. P. 54–61.

17. Kolomeitseva E.B. Functioning of foreign-language inclusions in various styles of speech // Bulletin of Omsk University. 2014. № 4. P. 185–187.

18. Ananyeva N.E. About the Polish language in the works of Russian literature of the XIX century (on the example of V.G. Korolenko's creativity) // Slavyansky vestnik. Issue 2. M.: MAX Press, 2004. P. 13–26.

19. Akunin B. The Week of the Three-Eyed. M.: AST, Genres, 2017. 304 p.

20. Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron, vol. 1-86. S.-P., 1890–1907.

21. Medinsky V.R. Wall. M.: OlmaMediaGroup / Enlightenment, 2016. 624 p.

22. Krestovsky V.V. The Bloody Pouf: A novel in 2 books. Book 2. M.: Modern Writer, 1995. 1790 p. The text is printed according to the edition: Krestovsky V.V. Collected works in 8 volumes. Vol. 3-4. St. Petersburg: Publishing house of the t-va «Public benefit», 1904.

23. Doroszewski W. Słownik języka polskiego, t. I–XI. Warszawa, 1958–1969. URL: <http://www.sjpd.pwn.pl> (Date of access: 11.01.2022).

24. Kovaleva G.V. Polish-Russian and Russian-Polish dictionary. 9th ed., rev. M.: Russian language-Media; Bustard, 2010. 528 p.

25. Ageeva A.V. French inclusions in Russian classical literature: a pragmatic aspect // *Philology and culture*. 2013. № 4 (34). P. 7–12.
26. Molodychenko E.N. «Own» and «strangers» in political discourse: the instrumental function of the «stranger» in American presidential rhetoric // *Bulletin of the Tomsk State University. Philology*. 2019. № 59. P. 67–86.
27. Krestovsky V.V. *The Bloody Pouf: A novel in 2 books. Book 1*. M.: Modern Writer, 1995. 1708 p. The text is printed according to the edition: Krestovsky V.V. *Collected works in 8 volumes. Vol. 3–4*. St. Petersburg: Publishing House of the Journal «Public benefit», 1904.
28. *Dictionary of Modern Russian Literary Language. Vol. 16* / Edited by N.Z. Kotelova, N.M. Medelets. M.–L.: Science, 1964.
29. Witkowski W. *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Kraków: Universitas, 2006. 278 s.
30. Krysin L.P. *Explanatory dictionary of foreign words*. M.: Russian language, 1998. 846 p.
31. Drabik L., Kubiak-Sokół A., Sobol E. *Słownik języka polskiego* PWN. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2019. 1360 s.
32. Zinnatullina G.H. Features of the use of nicknames in fiction // *News VolGPU*. 2013. № 4. P. 72–76.
33. Urazbekova A.A. Inclusions from the Polish language in the Russian literary text of the XIX century (on the example of V. Krestovsky's novel «The Bloody Pouf») // *International Postgraduate Bulletin. Russian language abroad*. 2020. № 3. P. 60–67.
34. Kolomeitseva E.B. Foreign language inclusions in a modern literary text (based on the material of the English language): Dissertation of the Candidate of Philological Sciences. St. Petersburg, 2016. 200 p.
35. Kitanina E.A. Pragmatics of a foreign language word in the Russian language: Abstract of the dissertation of the Doctor of Philology: 10.02.01. Krasnodar, 2005. 40 p.
36. Kolomeitseva E.B. Functioning of foreign-language inclusions in various styles of speech // *Bulletin of Omsk University*. 2014. № 4. P. 185–187.
37. Marinova E.V. Russian news development of new borrowings and related processes in the beginning of the XXI century // *New trends in the Russian language of the beginning of the XXI century: Coll. monograph* / Edited by L.V. Ratsiburskaya. M.: Flint: Science, 2014. P. 36–133.
38. Arapova N.S. Varvarisms as a stage in the development of a foreign language word // *Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology*. 1989. № 4. P. 9–16.
39. *Russian language, literary and cultural contacts* / Editors: S. Grzybowski, V.A. Horev, M. Volos. M.: Quadriga, 2011. P. 11–24.
40. *Dictionary of Modern Russian Literary Language. Vol. 17* / Edited by L.S. Kovtun, V.P. Petushkova. M.–L.: Science, 1965.